

фигурирующих в ней исторических лиц (кроме Висковатого), ни с точки зрения проверки достоверности сообщаемых обстоятельств. Вместо этого Н. Андреев подробно пересказывает на 6 печатных страницах ее изданный текст.¹⁶ По ходу этого пересказа Н. Андреев отмечает те места текста, которые, по его мнению, доказывают, что приписка объективно излагает имевшие место события, что ее рассказ написан очевидцем событий и что этим очевидцем и автором приписки является не царь Иван Грозный, а дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Переписав рассказ приписки о попе Сильвестре, выступившем, согласно этому рассказу, яростным сторонником Владимира Старицкого, Н. Андреев замечает, что данная здесь характеристика «выражает чувство глубокой личной неприязни против Сильвестра и также частично против митрополита и даже против царя, который дал такую власть Сильвестру». Дальше Н. Андреев поясняет свою мысль: «Трудно представить себе, чтобы сам царь дал бы такое описание Сильвестра, ибо здесь действительно сказано, что Сильвестр обязан был своей властью лишь милости царя. Иван, в своей переписке с Курбским, дает другое толкование роли Сильвестра, называя его „вором власти“... Дословный перевод „взявший от нас великолепие нашей власти“».¹⁷

Отметим, что, обнаружив здесь личную неприязнь автора приписки к царю, Н. Андреев подрывает свой основной довод в пользу авторства Висковатого, исходивший из его безупречной преданности царю.

Но дело не в этом, так как в действительности никакой неприязни к царю в словах о том, что царь сам облек Сильвестра огромной властью, конечно нет. Вопреки утверждению Н. Андреева, в письме к Курбскому Иван Грозный пишет то же самое, что и приписка о начале возвышения Сильвестра именно благодаря «милости царя»: «Посем же, совета ради духовнаго и спасения ради души своея, приях попа Сильвестра... мне видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покоряться без всякого разсужения, и ему совета ради духовнаго, повиныхся в колебании, в невидении».¹⁸ Как видим, царь прямо говорит, что он сам возвысил Сильвестра и стал повиноваться ему, согласно требованию божественного писания, «без рассуждения», «в колебании, в невидении».

Таким образом, если утверждение приписки, что царь сам дал власть Сильвестру, выражает личную неприязнь к царю, то надо признать, что в письме к Курбскому Иван Грозный проявляет к себе еще более глубокую личную неприязнь, так как утверждает то же самое в более ярких выражениях. Значит, даже оставаясь при толковании описания Сильвестра в приписке как враждебного царю, которое дает Н. Андреев, мы все равно никуда не уйдем от поразительной идентичности того, что писал автор приписок, с тем, что писал Иван Грозный.

Мне кажется, что по поводу описания Сильвестра в приписке вернее было поставить вопрос иначе: кто, кроме самого царя, мог себе позволить писать в 60-х годах, что царь фактически был отстранен от власти, что его место фактически занял поп Сильвестр и т. п.? Ясно, что так не могли писать про царя, так мог писать только сам царь о себе. А он именно так и писал в письме к Курбскому.¹⁹

¹⁶ N. Andreyev, стр. 106—112.

¹⁷ Там же, стр. 108—109 и прим. 47.

¹⁸ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 97.

¹⁹ Там же.